

Боковая ветка

Рельсовые стыки отстукивали стаккато пути. Фуражка, свесясь козырьком с настенного крюка, раскачивалась из стороны в сторону, точно пробуя вытряхнуть из суконных висков мигрень. Квантин, отстегнув портфель, вынул газету. Но в чуть тлеющих под потолком угольных нитях было ровно столько света, чтобы мешать спать. Жухлые петиты листа неохотно осмыслились в слова. Квантин сложил газету и придвинулся лицом к стеклу: сутулые контуры сосен, закрываясь черными распялами ветвей от света, падали в ночь. Было как-то зябко: не то тянуло от окна, не то лихорадило. Квантин попробовал было голову поверх портфеля и ноги под пальто. Но короткая и скользкая ткань свесью рукавов – вниз, и под плечом вздрагивала жесткая доска. Лучше встать и дободрствовать. Недалеко уже. Паровоз сильным и слабогрудным звуком взвыл и оборвал. "Как заблудившийся", – подумал Квантин и приподнялся на локте. Козырек на крюке по-прежнему, но чуть медленнее и раздумчивее, раскачивался с таким видом, как если б под ним были запрятаны глаза. "Если представить себе страну или мир, в котором под тульи шляп, под кожаные подкладки их, иногда, – ну, пусть редко-редко – забредали бы так, по соседству, окраинные причерепные мысли, какие-нибудь пустячные мыслишки, отлучки которых из головы в шляпу совершенно незаметны для мышления, то... – мягкий толчок, точно не буферами о буфера, а подушечным пухом о пух, вдруг остановил поезд, – то (должно быть, семафор)... нет, лучше не вдоль то, а по боковой. Если предположить, что самый наш мозг поверх другого мозга, как шляпа поверх головы, что тот в настоящую думающий, подкорковый, раскланивается моим мышлением, приветственно приподымает его при встрече с..." Но впереиз мысли точно тень опустившегося семафора и о слух ватным прикосновением:

– Прошу предъявить ваши сновидения.

Квантин приподнял голову. Под кондукторским кантом рыжая борода, сквозь бороду улыбка:

– Будьте любезны, приготовьте ваши сны-с.

Квантин, не понимая, – следуя ритму, не смыслу, – вынул из кармана билет:

– Это?

Щипчики, остро вщелкнувшись в картон, снова в ладонь; снизу голубой круг фонаря – и сквозь выщелкнутые дырочки, как сквозь крохотные оконца, реющие спутанные нити лучей – пестрые точки, линии и контуры; Квантин, сощурясь, пробует взглядеться, но и оконца уже прыгнули в ладонь, голубой фонарь отвернулся и сквозь бороду, впереизжку с улыбкой:

– Торопитесь. Легко прободрствовать. Пересадка.

Квантин хочет спросить – куда и при чем тут сны. Но спина кондуктора уже выскользнула из двери, и вдоль вагонов где-то из-за десяти стенок слышится его веселое: "Попрошу предъявить ваши сновидения".

Делать нечего. Квантин поднялся и – к выходу. Ноги его как-то ватно легки и пусты, портфель под локтем мягок и упруг, как взбитая к ночи подушка. Ступеньки сводят шаги вниз. Под подошвами теплая земля. В стороне от остановившихся колес – новый состав. Квантин идет сквозь темноту навстречу столбу искр над часто дышащим паровозом. Они бьют радужным костром вверх и опадают гаснущими осыпями к земле. В блеске их вычерчивались очертания трубы. Это старая распялая воронка, круглый лунный кратер, подпертый кривой ногой, напоминающей еще Стефенсоны времена, когда поезда только-только учились ходить, расталкивая поршнями пространство, сонно разлетшееся поперек рельс. И вагоны: под низко осевшими крышами, с топорщающимися суставчатыми ступеньками, каких давно уже не строят. "Боковая ветка, – подумал Квантин, – ржавая узкоколейщина, саркофаги на колесах, – как бы не заехать в катастрофу". Но вдоль темного низкокрьшья уже скользил голубой глаз фонаря. Свисток на высокой сверчковой ноте проиглился сквозь тьму. Наткнувшись на ступеньку, Квантин схватил подставившийся поручень и прыгнул в вагон. Лязгнули тимпанным переплеском буфера, и поезд тронулся. Сначала окна вагонного кузова медленно терлись о воздух. Старый паровичок, шаркая паром, казалось, шел сквозь ночь, волоча мягкие ночные туфли, то и дело спадающие с пят. Но постепенно колеса надбавляли скорости; рельсы сматывались с них, как нити с катушек, раскручиваемых быстрями вращением шпудлек. Кривые рессоры вагонных кузовов ахали на стыках, из всех щелей шуршал рассекаемый паровозной грудью воздух. Обгоняя ночь, окна скользили уже сквозь голубое предсветье, замахивающееся вслед бегу колес сшибом углов и выгибей быстро – до